

В. Е. Владыкин

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ УДМУРТОВ

Невозможно представить этническую историю народа как некий прямолинейный процесс развития какой-то одной исходной этнической группы. В своем сложном историческом развитии каждый народ испытывает воздействие со стороны многих, порой очень разнородных этнических элементов. Определение и исследование этнических компонентов, из которых складывается тот или иной народ, является одним из основных вопросов при решении проблем этногенеза.

Этническая история удмуртского народа в этом отношении еще мало исследована. Более того, до настоящего времени не опубликовано ни одной работы, специально посвященной вопросам удмуртской этнографии. Данная статья — лишь первый опыт в этой области, отнюдь не претендующий на решение проблемы во всей ее сложности; в ней лишь ставится вопрос о компонентах удмуртской этнической общности, о их взаимодействии, о роли каждого в формировании удмуртского народа. В работе используются как этнографические, так и археологические, лингвистические и антропологические материалы.

Сведения об удмуртах на страницах письменных источников появились очень поздно. Даже в «универсальной» «Повести временных лет», где с достаточной для того времени полнотой приводятся сведения о многих народах, об удмуртах не упоминается. Очевидно, это связано с тем, что русские сравнительно поздно (XIII—XIV вв.) познакомились с удмуртами, которые были известны своим соседям под тремя названиями: ары (аряне, арины, арское племя, арские люди); вотяки (вьяда, веда, отяки, отины, чудь вотяцкая) и собственно удмурты. Последнее издавна было самоназванием народа, а с 1932 г. — официальным названием. Рассмотрим эти этнонимы по мере появления их на историческом горизонте.

Ары — самое раннее (из известных в источниках) название удмуртов. Первое упоминание об Арской земле, что была расположена в междуречье Волги, Вятки и Камы, встречается в сообщении арабского купца и миссионера Абу Хамида ал-Гарнати, который в 1135—1136 гг. побывал в Волжской Булгарии, а потом совершил путешествие в Венгрию через Русь. Одну из областей Булгарии он называет «Арв»¹. Этим названием, по всей вероятности, обозначена Арская земля, входившая тогда в состав Булгарского государства, а позднее (в XV в.) была включена в состав Казанского ханства. В 1552 г. Казань пала, и арские люди вместе с остальными обитателями ханства «...государю быют челом и ясаки дают»².

Ко второй группе удмуртских этнонимов («вотяк» — «вотин» — «отяк»), очевидно, можно отнести и этноним «вьяда»³, который наряду с буртасами, черемисами и мордвой впервые упоминается в памятнике

¹ П. А. Монгайт, Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг., «История СССР», 1959, № 1, стр. 172.

² А. С. Верещагин, Сказания русских летописцев о Вятке, «Труды Вятской Ученой архивной комиссии за 1965 г.», вып. 1, Вятка, 1905, стр. 80.

³ О связи вьяда и удмуртов, см.: А. С. Орлов, Древняя русская литература XI—XII вв., М.—Л., 1945, стр. 143; С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 33.

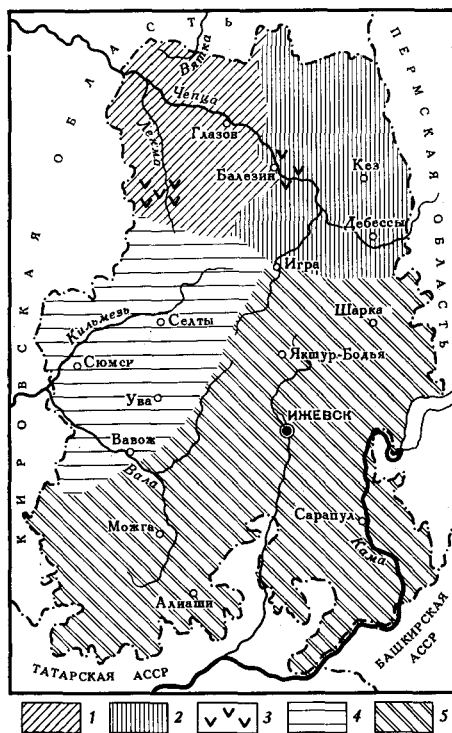

Схема расположения этнических групп удмуртов на территории Удмуртской АССР. 1—нижние Ватка, 2—верхние Ватка, 3—бесермяне, 4—калмез, 5—остальные удмурты

литературы XIII в.—«Слове о погибели Русской земли»⁴. «Вяда» созвучно названию северных удмуртов «ватка», которое, в свою очередь, близко к этнонимам «воть», «вотяки».

В XIII в. венгерский миссионер Юлиан писал в одном из своих писем о том, что, разгромив Булгарию, монголы напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов⁵. Возможно, слово Ведин означает земля вяда, во всяком случае оба названия созвучны; не противоречит это предположение и географическому прочтению.

Таким образом, можно считать, что из второго ряда этнонимов самым ранним является «вяда» (XIII в.). Впоследствии это название было забыто, и русские стали называть удмуртов «вотяки», «отяки». Первые сведения о них встречаются в летописи, составленной в 1469 г.⁶, причем очевидно, что имеются в виду лишь северные удмурты⁷, жившие в Вятской земле по левому берегу р. Вятки и по р. Чепце. Ко второй половине XVI в. «отяками» стали называть и южных удмуртов, хотя

сохранялось и прежнее их название — «ары», «аряне»⁸.

Этноним «удмурт» в письменных источниках появляется лишь в XVIII в., но он, по-видимому, издавна был самоназванием народа.

Расскажем коротко о происхождении этнонимов «ар», «вотьяк» и «удмурт». По этому вопросу имеется обширная литература⁹, но суждения авторов весьма противоречивы.

⁴ Ю. К. Бегунов, Памятник русской письменности XII века. «Слово о погибели Русской земли», М.—Л., 1965, стр. 184—185.

⁵ С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе, «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1946, стр. 86.

⁶ «Полное собрание русских летописей», т. 26, М.—Л., 1959, стр. 227.

⁷ М. В. Сысоева, Первые письменные сведения об удмуртах, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 302, 303.

⁸ А. С. Верещагин, Указ. раб., стр. 41.

⁹ Д. П. Островский, Вотяки Казанской губернии, «Труды Общества естественных испытателей при Казанском ун-те», т. 4, вып. 1, Казань, 1873, стр. 5; В. М. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», т. 84, СПб., 1880, стр. 626; С. К. Кузнецов, Общинные порядки вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии, «Этнографическое обозрение», кн. 63, М., 1905, стр. 26; В. И. Алатырев, Кызы кылдиз «удмурт», кыл, газ. «Советская Удмуртия», 18 июня 1958 г.; В. И. Лыткин, Этимология некоторых марийских слов, сб. «Вопросы марийского языкознания», вып. 1, Йошкар-Ола, 1964, стр. 61—62; В. М. Вахрушев, Одо выжыос, журн. «Молот», Ижевск, 1965, № 8; В. К. Кельмаков, Происхождение и первые упоминания этнонима «ар» (рукопись, с которой я познакомился с любезного разрешения автора); M. Zsigai, Finnugor rokonságunk, Budapest, 1937, ss. 223—224; P. Hajdu, Finnugor népek és nyelvek, Budapest, 1962, s. 220; K. Radanovics, Über den Ursprung einiger finnisch-lugrischer Völkernamen, «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum», Budapest, 1963, ss. 102—104.

Очевидно, наиболее правильным является предположение венгерско-то лингвиста М. Жираи, что этноним «ар» имеет тюркское происхождение и обозначает «человек», «мужчина», «муж». Удмурты получили это имя от своих соседей тюрков (возможно, от болгар)¹⁰. Участники «академических» экспедиций XVIII в. отмечали, что татары называют удмуртов арами¹¹. По-видимому, термин «ар» вначале употреблялся только по отношению к южным удмуртам, так как именно они первыми познакомились с тюрками.

Этнонимы «вотьяк» и «удмурт» некоторые исследователи связывают с марийским названием удмуртов «одо-марий» («луговой человек»), постепенно трансформировавшееся в «одо-мурт», а затем и в «уд-мурт». Такое объяснение вошло и в академическое издание по финно-угорским языкам¹². О марийском происхождении термина «удмурт» говорил и Г. Ф. Миллер, который писал в XVIII в.: «Слово „Уд“ по-черемисски (т. е. по-марийски.— В. В.) именуется „Ода“¹³. Русское „вотьяк“, „отьяк“, по этому толкованию, могло произойти от „ода“: один, одяк, отин, отьяк и вотьяк»¹⁴.

Имеется и другое объяснение происхождения этнонима «удмурт»; оно принадлежит марийскому лингвисту Ф. И. Гордееву, который возводит слово «удмурт» к болгарскому названию р. Вятки — Вăты¹⁵. Удмуртов, живших на р. Вятке, могли вначале называть «вотмурт» — «народ, живущий на берегу Вятки». Со временем слово изменилось и приняло форму «отмурт», а затем и «утмурт», «удмурт». В XVIII в. П. С. Палласом была отмечена форма «утмурт». Он писал: «...вотьяки или ут-мурт, как они сами себя называют». В русском звучании этот термин приобрел форму «вотьяк» или «отьяк». По-видимому, к древнему корню «вăt» был прибавлен русский словообразовательный суффикс¹⁶ (ср.: перм-як, тул-як и др.).

Таким образом, с давних времен удмурты имели два основных этнонима. Причем название «ар» было связано с южными удмуртами, а «вотьяк» — с северными. Впоследствии «вотьяками» стали называть всех удмуртов, что не совпадало с их самоназванием.

Факт, что у удмуртов было два этнических имени, говорит о том, что народ не был един и состоял из двух больших этнических объединений: северного и южного. Однако структура удмуртского этноса много сложнее: северная и южная группы удмуртов включали в себя еще целый ряд более мелких этнических подразделений.

В этой связи большой интерес представляют ранние этапы этнической истории удмуртов.

Истоки удмуртского этногенеза, по-видимому, следует искать в ананьинской культуре (VIII—III вв. до н. э.), на базе которой вырастал ряд локальных прикамских культур первых веков нашей эры; среди них осинская (Средняя Кама, устье р. Тулвы) и пьяноборская (устье

¹⁰ М. Zsirai, Указ. раб., стр. 224. Тюркский характер этнонима «ар» убедительно доказан и В. К. Кельмаковым, Указ. раб., стр. 1—3.

¹¹ Г. Ф. Миллер, Описание всех живущих в Казанской губернии народов яко то черемис, чуваш и вотьяков, СПб., 1791, стр. 32; П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб., 1788, стр. 29.

¹² В. И. Лыткин, Пермские языки, «Языки народов СССР», т. 3, М., 1966, стр. 259.

¹³ Г. Ф. Миллер, Указ. раб., стр. 32.

¹⁴ В. И. Алатырев, Указ. раб.

¹⁵ Ф. И. Гордеев, Ирано-тюркские заимствования в марийском языке, «Тезисы научной сессии по этногенезу марийского народа», Йошкар-Ола, 1965, стр. 26.

¹⁶ Употреблялась и просто форма «вотъ», что наиболее близко к первооснове «ват», см.: А. И. Вештомов, История вятчан с 1181 по 1781 гг., «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXIV, вып. 1—2, Казань, 1908, стр. 1—2 и сл.

р. Белой)¹⁷. Некоторые ученые полагают, что предками удмуртов были носители осинской культуры. Впоследствии в результате передвижения племен на основе этой культуры в Чепецком районе возникают поломская (III—IX вв.) и чепецкая (IX—XV вв.) археологические культуры, связь которых с удмуртами очевидна¹⁸. Участие же пьяноборцев в удмуртском этногенезе отрицается или признается лишь в отношении южных удмуртов¹⁹. Так, В. Ф. Генинг считает, что пьяноборцы не принимали участия в формировании удмуртов. При этом в качестве главного аргумента выдвигается положение о том, что все племена периода пьяноборской культуры были оттеснены с Камы (III в. н. э.)²⁰. Если даже согласиться с этим утверждением, то нужно иметь в виду, что часть населения несомненно осталась и позже смешалась с пришлыми племенами, создателями мазунинской культуры, а впоследствии вошла в состав как удмуртского, так и башкирского народа²¹. Кроме того, в становлении удмуртов несомненно участвовали позднепьяноборские племена междуречья Волги и Вятки²².

Об участии пьяноборского населения в этногенезе удмуртов говорит сходство пьяноборского женского костюма с костюмом удмуртки (налобные повязки, прямоугольные нагрудники и другие детали)²³. Кроме того, эту генетическую связь подтверждает и антропологический материал. Как отмечает М. С. Акимов, «удмуртские черепа по многим признакам близки к пьяноборским. Это сближение прослеживается на мужских черепках в близких или даже одинаковых размерах лица, горизонтальной профилировке»²⁴.

Таким образом, нет никаких оснований отрицать связь пьяноборских племен с удмуртским населением.

В. Ф. Генинг полагает, что основой для становления удмуртского этноса послужило население бассейна р. Чепцы²⁵, у которого были тесные связи с населением более западных (земли по р. Вятке) областей. Слабая изученность археологических памятников этих районов не позволяет проследить в деталях процессы взаимодействия этих двух этнических компонентов и пока можно предложить лишь самое общее решение этого вопроса.

По-видимому, часть древних племен с Белой и Камы в силу определенных причин (среди них как внешние — вторжение пришлых племен, так и внутренние — процессы саморазвития и расселения) уходит с Камы. Некоторые группы этих племен попадают в Волго-Вятское междуречье; другие расселяются непосредственно по Вятке, третьи концентрируются в бассейне Чепцы²⁶, откуда они частично переселяются опять-таки на Вятку. Очевидно, только этим можно объяснить крайнюю малочисленность удмуртского населения по р. Чепце в момент присоединения

¹⁷ В. Ф. Генинг, Проблемы изучения железного века Урала, «Вопросы археологии Урала» (далее ВАУ), вып. 1, Свердловск, 1961, стр. 37.

¹⁸ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 274.

¹⁹ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск, 1958, стр. 73.

²⁰ В. Ф. Генинг, Азелинская культура III—V вв., ВАУ, вып. 5, Свердловск, 1963, стр. 21.

²¹ В. Ф. Генинг, Мазунинская культура в Среднем Прикамье, ВАУ, вып. 7, Свердловск, 1967, стр. 63.

²² В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 276.

²³ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии, стр. 68—70.

²⁴ М. С. Акимов, Антропология древнего населения Приуралья, М., 1968, стр. 55.

²⁵ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 278.

²⁶ По-видимому, на Чепцу проникает какая-то иугорская группа (вторая половина I тысячелетия н. э.), которая, возможно, вошла в состав удмуртов, см.: В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 275; Т. И. Тепляшина, Вопрос об этнониме «пар», сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967, стр. 263.

этих земель к Русскому государству²⁷. По всей вероятности, именно бассейн Вятки с его очень удобными для земледельческо-охотничьего хозяйства землями становится основным районом, где к концу I тысячелетия н. э. группируется большая часть удмуртского населения и начинается оформляться древнеудмуртская этническая общность.

Многие исторические предания удмуртов говорят о том, что в среднем течении Вятки обитало племя ватка²⁸, об этой реке удмурты поют в своих песнях²⁹. В легенде о Тутое и Янтамыре рассказывается о том, что до переселения на Чепцу, удмурты жили в бассейне Вятки, где у них было свое царство³⁰. Согласно удмуртскому преданию, на месте нынешнего г. Кирова была Быдзым куала (Великая куала — родовое святилище)³¹. По Вятке и ее притокам (Пижме, Моломе) распространены топонимы удмуртского происхождения³².

Приблизительно на рубеже I и II тысячелетий в результате столкновения с древнемарийскими племенами, вышедшими к Вятке³³, древняя этническая общность удмуртов была разрушена. Часть населения, очевидно, была оттеснена к югу, и здесь в соприкосновении с тюрками и под их большим влиянием окончательно оформляется арская группа удмуртов, другая часть удмуртов, известная впоследствии под названием калмезов, теснимая марийцами, переселяется за Вятку на Кильмезь, Валу, и вероятно, достигает даже Чепцы.

Оставшееся на средней Вятке удмуртское население уходит уже позднее, по мере увеличения здесь числа русских поселенцев³⁴ (частично удмурты были ассимилированы русскими). С Кильмези и Чепцы удмурты начинают заселять глубинные районы края и постепенно занимают территорию своего нынешнего расселения³⁵.

Такова в самых общих чертах картина ранней этнической истории удмуртов. Многократные перемещения различных групп удмуртов, вызванные вторжением пришлых племен, их этнокультурное взаимодействие, наконец, замедленное социально-экономическое развитие удмуртского общества, вызванное низким уровнем развития производительных сил, патриархальностью, замкнутостью хозяйства, слабое развитие внутренних, органических связей — все это обуславливало довольно длительное существование в удмуртском этносе мелких этнических подразделений, принимавших иногда характер территориальных «земляческих» объединений, особых этнокультурных районов.

Археологические материалы позволяют выделить четыре таких района: 1. Чепецкий, 2. Малмыжско-Кильмезский, 3. Елабужско-Можгинский, 4. Ижевско-Шарканский³⁶. Однако слабая изученность этих районов пока не позволяет сказать что-либо определенное о том, как они сложились, насколько глубоко их отличия друг от друга, вызвано ли это своеобразие этническими особенностями?

Большую помощь в решении этих вопросов могла бы оказать удмуртская диалектология, истоки которой уходят в XVIII столетие. В XIX в. был опубликован целый ряд блестящих трудов по диалектам удмуртского языка (Ф. И. Видемана, Б. Мункачи, Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихма-

²⁷ В. Ф. Генинг, *Азелинская культура*, стр. 62.

²⁸ Б. Г. Гаврилов, *Произведения народной словесности, обряды и поверья вятков Казанской и Вятской губерний*, Казань, 1880, стр. 144—149.

²⁹ Сб. «Жингырты, удмурт кырзан», сост. П. К. Поздеев, Ижевск, 1960, стр. 148 и сл.

³⁰ «Легенды и предания», Записки Удмуртского НИИ, вып. 10, Ижевск, 1941, стр. 90.

³¹ П. Н. Луппов, *Удмурты в XV—XVII вв.*, Ижевск, 1958, стр. 11—12.

³² А. А. Спицын, *К истории вятских инородцев*, Вятка, 1888, стр. 49.

³³ В. Ф. Генинг, *Этногенез удмуртов по данным археологии*, стр. 276.

³⁴ А. И. Вештомов, *Указ. раб.*, стр. 5.

³⁵ А. А. Спицын, *Указ. раб.*, стр. 50—51.

³⁶ В. Ф. Генинг, *Этногенез удмуртов по данным археологии*, стр. 278.

на и др.)³⁷; но, к сожалению, до настоящего времени обобщающей работы по удмуртским диалектам нет. Более того, даже неизвестно, сколько же диалектов всего: в трудах разных исследователей их число определяется от двух (Г. Ф. Миллер, Т. Г. Аминофф) до девяти (Ю. Вихман). Выяснение же вопроса о диалектных группах имеет очень важное значение при определении этнических различий; ведь часто различия в языке свидетельствуют об определенных специфических особенностях их носителей. Для нас пока ясно одно: язык удмуртов делится на несколько диалектов, что указывает на наличие и нескольких этнических групп.

Среди самих удмуртов бытуют представления об их делении на две группы: Ватка и Калмез. На это уже давно обращали внимание исследователи, об этом писали Б. Г. Гаврилов, А. А. Спицын, Г. Н. Потанин и др.³⁸

М. Г. Худяковым была даже сделана попытка распределить удмуртские роды-воршуды (число которых, по мнению автора, доходит до 70) между Ватка и Калмез. Так, он считал, что названия родов, оканчивающихся на «-га» (Можга, Нылга, Омга, Пельга, Пудга и т. д.), а также названия типа Докья, Кибья, Жикья, Тукля принадлежат племени калмез. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что на территории Глазовского уезда, где обитало племя Ватка, родов с такими названиями не встречается³⁹. Но некогда, очевидно, калмезы жили и на Чепце, — об этом говорят удмуртские предания⁴⁰, кроме того, в Глазовском уезде калмезы оставили названия некоторых рек. Например, здесь имеется река по названию Бадзым шур (на диалекте калмез — Большая река). Ватка же, живущие на этой территории в настоящее время, должны были бы именовать эту реку «Зэк шур»⁴¹.

Сейчас калмезы — это весьма ограниченная группа, включающая удмуртов Селтинского, Сюмсинского, Увинского и частично Вавожского районов (западная часть Удмуртии). К Ватке относятся удмурты Глазовского, Балезинского, Кезского, Дебесского районов (север Удмуртии)⁴².

Удмурты обычно говорят так: «Кто жил на р. Вятке, тот был ватка, а кто жил на р. Кильмези, назывался калмез» (хотя, по-видимому, раньше связь между ними была обратная: реки получили свое название по имени этнических групп, живущих на этой территории).

Отношения между двумя основными группами удмуртов были в основном дружественными, но сохранились предания и о борьбе между ними — в основном из-за земли. Ватка с некоторым пренебрежением относились к калмезам, считая их слабыми. Обе группы были эндогамны⁴³.

Ватка, в свою очередь, подразделялись на «улланьёс» и «вылланьёс» (т. е. «нижних» и «верхних»), последние считают, что они в места своего нынешнего расселения поднялись с низовьев Чепцы⁴⁴.

В состав ватка и калмез не входят удмурты южных (с городами Можга, Алнаши, Кизнер), восточных (Шаркан, Воткинск) и централь-

³⁷ Подробнее о развитии удмуртской диалектологии см.: Т. И. Тепляшина, Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. 1, М., 1966, стр. 7—24; В. И. Алатырев, 50 лет удмуртского советского языкознания, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 17—22.

³⁸ Б. Г. Гаврилов, Указ. раб., стр. 148; А. А. Спицын, Указ. раб., стр. 47; Г. Н. Потанин, У вотяков Елабужского уезда, СПб., 1890, стр. 193—194.

³⁹ М. Г. Худяков, Вотские родовые деления, «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXX, вып. 3, Казань, 1920, стр. 344—345.

⁴⁰ Б. Г. Гаврилов, Указ. раб., стр. 144—149.

⁴¹ М. Г. Худяков, Указ. раб., стр. 344.

⁴² Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртской АССР, 1964, 1968, 1969 гг. (хранятся на кафедре этнографии исторического факультета МГУ).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

ных (Якшур-Бодья, Ижевск, Малая Пурга) районов Удмуртии, которые, по-видимому, имеют смешанное происхождение, может быть, они входили в особые этнические группы, не сохранившиеся до наших дней ⁴⁵.

Особой этнографической группой среди удмуртов являются бесермяне, живущие на северо-западе Удмуртии. Говорят они на северном наречии удмуртского языка, некоторые элементы их культуры отличаются от культуры остальных удмуртов.

Вопрос о происхождении бесермян до настоящего времени окончательно не решен. Некоторые исследователи, в их числе И. Н. Смирнов, считали, что представители этой этнографической группы «являются оветячившимися потомками какого-то тюркского племени, ранее татар жившего в бассейне р. Чепцы» ⁴⁶.

Н. П. Штейнфельд утверждал, что бесермяне близки к чувашам ⁴⁷, В. Н. Белицер видит в них потомков болгарского населения ⁴⁸. К этой же точке зрения примыкает Н. И. Гаген-Торн. При этом она отмечает большое сходство чувашской и бесермянской одежды, считая, что это результат старых связей ⁴⁹. В. Ф. Генинг считает, что предки бесермян близки к создателям именьковской культуры, среди которых он выделяет добулгарские тюркские племена: суваз (сувар), биляр, челман, саби и др. Название суваз (сувар) трансформировалось в «чуваш» и послужило собирательным именем для всего тюркоязычного добулгарского населения Среднего Поволжья. Отсюда и первоначальное название бесермян в русских источниках (грамотах, писцовых и переписных книгах) — «чуваш» ⁵⁰.

Удмуртские филологи (Д. И. Корепанов и Т. И. Тепляшина) находят в бесермянском диалекте сходство с южноудмуртскими диалектами ⁵¹. Очевидно, это говорит о том, что некогда бесермяне и южная группа удмуртов были соседями. В бассейне Чепцы бесермяне поселились, по-видимому, позднее. Исследователь Г. Н. Трефилов считает, что они появились на месте нынешнего расселения в начале XVII в. ⁵² По его мнению, бесермяне как-то связаны с древними мадьярами ⁵³.

Татары, живущие рядом с бесермянами, считают последних крещеными татарами, говорящими на удмуртском языке. Сами бесермяне говорят: «Мы из татар, а сейчас — удмурты» ⁵⁴. Но следовать за этим утверждением было бы неверно. Этногенез бесермян значительно сложнее.

Бытующее мнение о том, что бесермяне — это тюрки, перешедшие на удмуртский язык, едва ли можно признать правильным. Некоторые, в прошлом удмуртские, деревни сейчас полностью отатарились, однако нам неизвестно ни одного случая, когда бы этот процесс шел в обрат-

⁴⁵ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртской АССР 1964, 1968, 1969 гг. (хранятся на кафедре этнографии исторического факультета МГУ).

⁴⁶ «Труды VIII археологического съезда в Москве», т. 3, М., 1897, стр. 314.

⁴⁷ «Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1896 г.», Вятка, 1894, стр. 255.

⁴⁸ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении бесермян, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 192.

⁴⁹ Н. И. Гаген-Торн, Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, стр. 224.

⁵⁰ В. Ф. Генинг, Этногенез удмуртов по данным археологии, стр. 277.

⁵¹ Д. И. Корепанов, Бесермяне, сб. «На удмуртские темы» вып. II, М., 1931, стр. 106; Т. И. Тепляшина, Бесермянские термины, выражающие понятия «мать», «отец», «Советское финно-угроведение», Таллин, 1966, № 1.

⁵² Г. Н. Трефилов, Бесермяне по письменным источникам, сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 314.

⁵³ Там же, стр. 317. Основанием для такого утверждения послужили некоторые топонимы в Венгрии, созвучные с этнонимом «бесермяне».

⁵⁴ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР, 1968 г.

ном направлении. Очевидно, это свидетельствует о том, что бесермяне в своей основе все же удмурты и никогда не были тюрками. Возможно, что часть южноудмуртского населения «обусурманилась» в результате сильного и длительного воздействия со стороны тюрков⁵⁵ и утратила связь с удмуртским этносом. Затем бесермяне оказались среди северных удмуртов и до настоящего времени в какой-то степени осознают себя как нечто обособленное, отличное от удмуртов, хотя в последнее время различия между ними становятся все менее ощутимыми.

Таким образом, в удмуртском этносе мы видим несколько этнических групп: нижние и верхние Ватка, Калмез, бесермяне (северные районы), прочие группы удмуртов, живущие в центральных, восточных и южных районах Удмуртии. Существование мелких этнических подразделений у удмуртов подтверждают лингвисты и антропологи, последние говорят о существовании среди удмуртов 14 антропологических групп⁵⁶.

Однако все этнические группы удмуртского населения, как уже отмечалось, сводятся к двум большим объединениям, прошедшим довольно длительный исторический путь и дожившим до наших дней.

В северное объединение входят обе группы ватка, калмез, бесермяне, в южное — удмурты Можгинского, Алнашского, Мало-Пургинского и Сарапульского районов Удмуртской АССР. Жители центральных районов (Ижевск, Якшур-Бодья) занимают промежуточное положение между этими двумя объединениями удмуртов.

Различия между северными и южными удмуртами прослеживаются как в духовной, так и в материальной культуре. Особенно заметны они в традиционном костюме, в приемах ткачества, в тканях, используемых для одежды, их расцветке. Для узорного тканья в южных районах Удмуртии больше используют конопляные и шерстяные нитки; в северных — льняные⁵⁷. На юге встречаются преимущественно многоцветные сочетания с очень яркими красками, на севере и северо-западе бытуют более спокойные, светлые тона⁵⁸. В южных районах распространена наряду с браной и закладная техника тканья, последняя применяется для отделки головных уборов, одеял, полотенец. Наличие закладной техники позволяет говорить о проникновении к удмуртам отдельных элементов степной культуры⁵⁹.

Опишем два основных комплекса удмуртской народной одежды: северный и южный. Северный состоял из одежд белого цвета, как то: туникообразной рубашки, вышитого нагрудника «кабачи», передника «без груди», затканного красными бумажными нитками. Летом в качестве верхней одежды носили холщовый халат «шортдэрем»; зимой надевали суконный кафтан «сукман». Головным убором девушкам служила круглая шапочка «такъя», замужним женщинам — холщовый чепец — «подурга», покрывавшийся самодельным платком «куинь сэрго» (досл. «треугольный»), поверх которого повязывалось полотенце «йыркотыр» (буквально «вокруг головы»).

На ногах носили белые холщовые чулки, суконные короткие онучи черного цвета и лапти с шерстяными цветными оборами.

В качестве отделки одежды широко применяли вышивку, преимущественно красным шелком, исполненную набором, косым стежком, а также узорное тканье, браное и многоремизное. Как украшение носили

⁵⁵ Удмурты еще в XVII в. жаловались на татар, что те «обусурманивают в свою татарскую веру» удмуртов, см. ЦГАДА, ф. 131, 1699, ед. хр. 2, ч. 1, л. 584.

⁵⁶ К. Марк, Антропология волжских и пермских финно-угорских народов, М., 1964, стр. 1.

⁵⁷ В. Н. Белицер, Узорное тканье и вышивка удмуртов, «Записки Удмуртского НИИ», сб. 9, Ижевск, 1940, стр. 97.

⁵⁸ Там же, стр. 98.

⁵⁹ Там же, стр. 100.

ожерелья и бусы, сделанные из красной мастики и стекла, монет и раковин. Такой костюм был распространен на территории бывшего Глазовского и Слободского уездов (ныне север Удмуртской АССР и часть Кировской области). Северный удмуртский женский костюм по покрою и характеру вышивки близок к костюму народов Поволжья (луговых мари, мордвы — эрзи и некоторых групп чувашей). Ряд его элементы (головной убор, рубашка) находят параллели в костюмах пермяков и зырян⁶⁰.

Для южного комплекса характерна рубашка, сшитая из цветной посконной пестряди, под которую надевается нагрудник «кыкрак», составленный из разноцветных кусков материи⁶¹, и штаны; фартук «с грудью» из пестряди, затканый цветной шерстью. В качестве верхней летней одежды носили «зыбын» и камзол, сшитые в талию, из цветной шерстяной ткани, зимой — суконовый кафтан «дукес» и шубу «пась».

Головные уборы сохраняют возрастные отличия. Девушки носили шапочку такую и различные головные повязки; замужние женщины — сложный головной убор, состоящий из нескольких отдельных элементов: налобной повязки «йыркерттет», полотенца — «чалмы», высокой шапки из бересты — «айшона» со спадающим на спину покрывалом — «сюлыком». Пожилая женщина вместо «чалмы» и «айшона» в этих районах носила «пелькышет» — холщовую шапочку с двумя длинными концами, которую покрывала платком.

На ногах — пестрые шерстяные чулки, обернутые короткими белыми онучами, и лапти удмуртского плетения. Костюм дополняли металлические украшения, изготовленные литьем, гравировкой или ажурной сканной техникой, ожерелье из монет, браслеты и кольца, накошники и гребни, часто украшенные изображением двух конских голов, смотрящих в разные стороны. В расцветке костюма преобладает яркая полихромность⁶².

Первый комплекс — более древний, сохранил некоторые элементы одежды аборигенов. Во втором, наряду с чрезвычайно древними традициями, ведущими свое начало от ананьинской культуры, прослеживаются элементы заимствования от пришлого населения, главным образом от тюрок⁶³.

Влияние татар сказалось не только в костюме. Очевидно, под их влиянием у южных удмуртов появился обычай вмазывать котел в небольшую печурку сбоку русской печи. В этом котле кипятят воду, молоко, варят пищу. В северных районах этого обычая нет, и пищу обычно готовят в котле, который не вмазывается, а подвешивается над очагом или ставится на таган.

В избах южных удмуртов, как и в избах татар, обычно устраивались нары с деревянным изголовьем. У северных удмуртов нар не было, и они спали на полатах или деревянных кроватях, а то и просто на широких лавках, тянувшихся вдоль стен⁶⁴.

Тюркское влияние проникло не только в материальную культуру, оно прослеживается и в духовной жизни южных удмуртов.

⁶⁰ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 122; ее же, Народная одежда удмуртов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. X, М., 1951, стр. 80—81.

⁶¹ Рубашка этого типа отличается от рубашки северных удмуртов тем, что она значительно шире в подоле и бока ее состоят из четырех более коротких скошенных кусков холста.

⁶² В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, стр. 123.

⁶³ В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, стр. 81—82; о различиях в женской одежде северных и южных удмуртов см. также Т. А. Крюкова, Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры, «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 284.

⁶⁴ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР, 1964, 1965, 1968 гг.

Северные и южные удмурты в какой-то степени отличались и в своей религиозной обрядности. У обеих групп существовало почитание священной рощи, но северные удмурты ее называют Луд, а южные (как и большинство народов Поволжья) — Кереметь (иногда и Луд). По-видимому, культ Кереметя проник в Поволжье с исламом, а затем от тюрок был заимствован южными удмуртами и слился у них с местным культом священной рощи (Луд), который своими корнями уходит в эпоху родового общества. Моления южных удмуртов несколько отличаются от молений северных (в Керемети приносят в жертву коз, в молении участвуют только мужчины, что вовсе не характерно для северных удмуртов). Кроме того, имеются определенные различия и в обрядах, выполняемых в честь умерших (виросетон — на севере, йырпыдсётон — на юге). Наблюдаются также различия в быту, терминологии родства и т. д.⁶⁵ В этногенезе удмуртов определенную роль сыграли пришлые элементы: тюркские, а возможно, угорские. Особенно заметный след в формировании южной группы оставили тюрки, как ранние⁶⁶, так и поздние (современные татары). Влияние последних в наши дни особенно чувствуется в языке. Достаточно сказать, что в южных районах Удмуртии значительная часть населения, наряду с родным языком, в котором имеется значительное количество тюркизмов, пользуются и татарским.

В формировании северной группы определенную роль сыграли берсермяне, а в последнее время на севере республики особенно ощутимо влияние русских. Своих северных сородичей южные удмурты иногда даже называют «звуч удмортъёс», т. е. «русские удмурты».

Таким образом, этническая история этого народа представляется в виде сложного взаимодействия различных этнических элементов и групп. Но различия, имеющиеся в настоящее время между отдельными группами, незначительны. В удмуртском этносе налицо большое единство, что выражается и в единстве духовной и материальной культуры, в этническом самосознании и т. д.

Основой для формирования удмуртского народа послужили местные племена, создатели последовательно сменяющихся археологических культур, начиная от ананьинской и кончая чепецкой.

Пришлые элементы не играли решающей роли в формировании удмуртского народа, они лишь наделили своеобразными чертами отдельные группы удмуртов.

Разграничение удмуртов на северных и южных сохранялось длительное время, так как они находились в составе двух политических образований: Московского княжества и Казанского ханства. И лишь к середине XVI в. обе группы были включены в состав единого государства, что способствовало формированию единой удмуртской народности.

Процесс консолидации особенно усилился в советское время, когда удмурты в братской семье народов СССР обрели свою автономию и получили право на свободное национальное развитие.

⁶⁵ Полевые материалы этнографической экспедиции МГУ в Удмуртскую АССР 1964, 1965, 1968 гг.

⁶⁶ Раннее тюркское влияние (со стороны булгар) испытали обе группы удмуртов, как северная, так и южная. Свидетельство тому — многочисленные булгарские заимствования в удмуртском языке. См. В. И. Лыткин, Из истории словарного состава пермских языков, «Вопросы языкознания», 1953, № 15, стр. 60, 61.

TOWARDS THE PROBLEM OF ETHNIC GROUPS WITHIN THE UDMURTS

The problem of the Udmurt ethnic groups is almost unstudied in ethnographic literature. The Udmurts are known in sources under various names: *Ar* (or *Arians*, *Ar people*), *Votiaks* (*Otiaks*, *Otins*, *Votiak*, *Chud*) and the *Udmurt* as such; this evidently indicates the existence of ethnic subdivisions among the *Udmurts*. At present the following distinctive groups can be marked out in the Udmurt ethnos: the *Vatka* (who are further subdivided into the «*Ullamyes*» and the «*Vyllamyes*» — the «Lower» and the «Upper»), the *Kalmez* (contrary to opinions commonly met with in literature, these do not originate from the south, but are a small Udmurt group from the western regions of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic) and the *Bessermians* — a specific ethnographical group of uncertain origin living in the north of Udmurtia. All other Udmurts, who do not belong to any of these groups, appear to be a product of their mixing.

The Udmurts are more broadly divided into the Northern and the Southern. The former have undergone a prolonged and strong influence on the part of the Russians; the latter came under the influence of Turkic groups (among them — the Tatars).

Recently a rapid process of national consolidation has been underway.
